

Где-то за горизонтом

Этот звонок для меня жизненно важен, но прозвучал он в самый неподходящий момент. В трубке голос представителя НАСА: он информирует меня о том, что миссия «Ахерон¹ II» стартует и в 18:00 к моему дому в парижском предместье подъедет машина, чтобы отвезти меня в аэропорт.

Да только вот незадача: в ближайшие двое суток Элен должна родить. И я непременно хочу присутствовать при появлении на свет своего сына. Как же быть? Отказаться от мечты, ради которой я вот уже два года из кожи вон лезу? Я прильнул ухом к округлившемуся животу жены. Чувствую, как младенец бьет ножкой, и в этом пытаюсь найти ответ на свой вопрос. В конце концов, младенец тоже имеет право высказаться. Если я соглашусь, меня не будет здесь, когда он откроет глаза. И когда впервые улыбнется. Я пропущу все эти первые разы, а их уже не наверстать. Я распрямляюсь, смотрю на Элен, глажу рас-

¹ *Ахерон* — в древнегреческой мифологии одна из рек в царстве Аида. — *Здесь и далее примеч. перев.*

тянувшуюся кожу ее живота и пупок, который торчит, как нераспустившийся бутон розы.

— Я буду думать о вас обоих каждый день и каждый час. И потом, ты же будешь посылать мне фотографии. Я увижу, как Натан растет, и мы всегда будем рядом друг с другом.

— Гавайи не так уж и далеко, — говорит она, чтобы успокоить себя. — Это хотя бы на Земле.

— На Земле.

— Ладно, иди собирайся. Время поджидает.

Я так долго ждал этого момента, что мне нужен всего-то час, чтобы подготовиться к отъезду — сложить самое необходимое в большой спортивный рюкзак. Быт под куполом наверняка будет самым что ни на есть простым. В любом случае я имею право взять с собой не больше пятнадцати килограммов.

Уже 17:40. Ненавижу! Ненавижу эти последние минуты. Последняя чашка кофе, последний взгляд на садик, где у меня растут овощи и фрукты, последний звонок матери, которая сейчас как раз выезжает из Марсея, чтобы в день икс сопроводить Элен в больницу. Я стараюсь сдержать слезы, но это нелегко. К тому времени как я вернусь, многое изменится. Элен промокает каплю, которая собралась в уголке моего глаза. Для нее мой отъезд тоже непростая штука. Меня не будет рядом, чтобы перерезать пуповину.

Мне кажется, я люблю ее еще больше, чем всегда. Мне будет так ее не хватать. Я пытаюсь представить

себе, как станут волноваться те мужчины и женщины, которые в будущем на самом деле покинут Землю, чтобы лететь на Марс. Я завидую их силе и смелости.

Я протягиваю жене лэптоп с электронной почтой, уже настроенной техниками НАСА, чтобы она могла связаться со мной, пока я буду находиться под куполом.

— Наша связь. Держи его все время под рукой. Я буду писать тебе, а ты мне. Ежедневно отправляй мне фотографию малыша. Наше общение будет ограничено, но я хочу видеть, как он растет, и не пропустить ни одного важного момента. И не забывай про нашу тайную переписку, используй ее только в крайних случаях, если не хочешь...

— ...чтобы НАСА узнало; я поняла. Поклянись еще раз, что будешь осторожен, что побережешь себя.

— Мой мир будет гораздо менее опасным, чем твой. В радиусе десятков километров не будет ни одной живой души. За нами постоянно будут наблюдать лучшие специалисты НАСА. Это тебе, Элен, следует быть осторожной. Здесь, в городе, рисков гораздо больше. Я свяжусь с тобой сразу, как прибуду на место.

Перед домом раздается гудок. Я предпочитаю не медлить, чтобы избежать душераздирающего прощания, и торопливо ныряю в черный седан. Машина сворачивает за угол, и тут желудок у меня сводит от странного ощущения. Я чувствую, как к горечи от осознания того, что я должен уехать, оставить жену

буквально накануне родов, примешивается огромная радость. Чтобы успокоиться, я убеждаю себя, что сделал правильный выбор. Всего пять лет назад я был просто студентом-биологом, специализирующимся на астробиологии: я изучаю все процессы, которые могут привести к возникновению жизни. Прошло два года, как я подал заявку на участие в проекте «Ахерон II», и вот сегодня, после тяжелых тренировок и нескончаемой серии подробнейших тестов, часть которых проводилась непосредственно в лабораториях НАСА, мне посчастливилось быть выбранным среди десяти тысяч кандидатов. Я вхожу в число шести наиболее подходящих специалистов, которым предстоит в течение трехсот шестидесяти пяти дней изучать и оптимизировать будущие путешествия на Марс. И если я справлюсь, то, возможно, стану одним из тех, кто однажды полетит на Красную планету.

В аэропорту Руасси — Шарль де Голль меня встречает человек в форме. До чего же неприятный! Лицо рябое, губы какие-то сморщенные, напоминают дольки грейпфрута. Зовут его Рональд Шерон, он из Вашингтона. Вместо того чтобы, как было договорено, дать мне билет на самолет, он сообщает, что я полечу на частном самолете.

— Почему на частном?

— Вы направляетесь не на Гавайи, но знайте, что метеорологические условия и купол будут строго идентичными тем, что были описаны в документации. Запрошенное вами лабораторное оборудование уже ожидает вас на месте.

— Не на Гавайи? Это как?

— НАСА желает, чтобы эта командировка оставалась полностью конфиденциальной. Никаких журналистов, никакой рекламы, никакой утечки в Интернет — полная невозможность определить ваше местонахождение. Напоминаю вам, что в ходе предстоящих полетов на Марс придется быть готовым садиться на площадки, отличные от запланированных. У вас есть вопросы?

Я удивлен, что меня вводят в курс подобным образом — в коридоре аэропорта, за несколько минут до вылета, — но я понимаю, что другого решения нет. При наличии мобильных и Интернета возможны любые утечки. Подумать только, я неделями изучал географию в окрестностях вулкана Мауна-Лоа! Здорово же я продвинулся!..

— Нет, никаких вопросов.

— Хорошо. Дайте ваш телефон. Через год я вам его верну.

Через год. Ну дела! Я неуверенно протягиваю ему свой мобильник. В кипе документов, относящихся к проекту, было ясно сказано, что на объекте телефоны и фотоаппараты запрещены и будут «изъяты» перед размещением, однако сейчас, в эту самую минуту, я ощущаю, как увеличивается расстояние между мной и моими близкими.

Мы идем по коридорам терминала 2F и пройдем через посты контроля — особые, не те, что для простых смертных. У меня требуют паспорт, но ни разу не спрашивают место назначения. Вместе с со-

трудниками аэропорта Рональд проверяет, не везу ли я фотооборудование или камеру. Спустя полчаса мы садимся в новехонький самолет дальней авиации авиакомпании «Paradisio». Десяток удобных кресел, напитки и еда по желанию: НАСА постаралось. В этом самолете, который стоит целое состояние, мы с американцем вдвоем, и я внезапно ощущаю свою значительность. Немного самолюбия не повредит.

Шторки иллюминаторов намеренно опущены, и поднять их невозможно. Рональд и часы у меня отобрал: он хочет быть уверенным, что я не высчитаю продолжительность полета. Если я задаю ему вопрос, он отрывается от своего sudoku, покусывает деревянный карандаш и заявляет, что не может ответить: он здесь исключительно для того, чтобы обеспечить мое прибытие в нужное место.

Когда шасси отрываются от французской земли, я прикидываю, что сейчас около восьми вечера. Я чувствую себя легким, как птица, свободным и облеченным важной миссией. Я готовлюсь жить в изоляции, вдали от средств массовой информации, от какой-либо цивилизации, отключенным от всех сетей и Интернета.

Такой разрыв с суматошным миром мне чертовски кстати. Я познакомлюсь еще с пятью потрясающими, блестящими людьми: они, как и я, расстались со своими семьями, с друзьями. И одержимы одной целью: успешно справиться с миссией и однажды полететь на Марс.

Но мне не удастся прогнать завладевшую мной несколько часов назад тревогу. Внезапность отъезда,

смена направления, эта история с полной конфиденциальностью... Меня все-таки гложет неприятное чувство, что в НАСА мне сказали не всё.

*

День 1-й

Удар шасси о посадочную полосу выводит меня из дремотного состояния. Я уснул и теперь не вполне понимаю, где я. И который час. День? Ночь? Мы могли лететь и десять часов, и пятнадцать. Прежде чем дверь открылась, Рональд попросил меня надеть маску, закрывающую глаза. Можно подумать, снимается шпионский фильм. Двигатели выбрасывают раскаленный, как в аду, воздух, от керосиновых испарений кружится голова. Чья-то рука ведет меня до автомобиля с кондиционером, мы трогаемся с места.

Радио в машине нет. Рональд и водитель, тоже, мне кажется, американец, обмениваются какими-то банальными фразами. Я в стрессовом состоянии, чувствую себя кем-то вроде заложника, но еще в аэропорту я понял, что командировка уже началась. Наверное, это какой-то тест. Одна из задач миссии «Ахерон II» заключается в том, чтобы оценить психологическое состояние экипажа, вынужденного жить в замкнутом пространстве во враждебной среде. Людям, которые отправятся на Марс, придется вынести длительное, полугодовое, путешествие в темноте космоса, они будут существовать взаперти, ды-

шать вторичным воздухом. Если я не смогу в течение нескольких часов вытерпеть повязку на глазах, то я там долго не выдержу.

Интересно, в какой стране мы приземлились? Здесь градусов двадцать. Я прикидываю возможные места назначения. Пустыня в штате Юта? Африканский Рог? Какой-нибудь остров посреди Тихого океана? У НАСА повсюду есть полностью автономные базы.

После долгой утомительной езды по тряской дороге машина останавливается. Шерон помогает мне выйти. Снимает с моих глаз повязку. Ослепленный белым светом, как на выходе из тоннеля, я сначала зажмуриваюсь, а потом у меня дух захватывает: передо мной один из самых невероятных пейзажей, которые мне доводилось видеть. Исчерченное белыми кудрявыми следами самолетов, чистейшее голубое небо контрастирует с морем красных камней на ржавой охристой поверхности. В одну сторону она простирается сколько хватает глаз, а с другой ее прерывает полукруг величественных возвышенностей, похожих на вулканы. Если бы мне надо было описать поверхность Марса, я бы справился, глядя на это бескрайнее пространство, освещаемое солнцем, гораздо более массивным здесь, чем где-то еще, и на эту беспощадную сушь, от которой у меня уже першит в горле. Никаких следов растительности. Как если бы жизни вообще не существовало.

Метрах в ста от меня возвышается купол. Он соответствует имеющемуся у меня описанию: белая полусфера высотой одиннадцать метров в верхней

точке, расположенная на площади около ста квадратных метров и тоннелем связанная с контейнером под названием Литл-Бокс¹. Слева от него наше разведывательное транспортное средство со своими собственными солнечными батареями. Из шлюза навстречу мне выходят пятеро других членов экспедиции. Я прибыл последним.

Рональд возвращает мне часы и пожимает руку. Я бросаю быстрый взгляд на номерной знак «хаммера», но он не читается, потому что покрыт красной пылью.

— Попытка не пытка, — с улыбкой бросает мне американец. — Встречаемся через год, здесь же, в это же время.

Он садится в машину и сразу же трогается с места, разрывая таким образом всякую связь с цивилизацией. Ну вот, как говорится, поезд ушел. Теперь я не могу даже обернуться, без того чтобы не запустить процедуру срочного возвращения, что лишит меня шансов в один прекрасный день отправиться на Марс. Странное ощущение. Перекинув рюкзак через плечо, я пока еще не очень уверенным шагом направляюсь к куполу. Теплый ветер ласкает мне лицо, я в последний раз вдыхаю чистый воздух и запах горячего камня. Когда я пройду через створки шлюза, эти простые удовольствия на долгий год станут для меня запретными.

В надежде на то, что Рональд не перевел время, я на ходу взглядываю на циферблат своих часов

¹ Little-Box (*англ.*) — коробочка.

и быстро подсчитываю: вот уже двадцать восемь часов, как я покинул дом. Во Франции десять вечера. А здесь солнце еще стоит высоко. Наверное, мы летели на запад. Надо написать Элен, узнать, нормально ли добралась моя мать, начались ли схватки, в каких условиях проходят роды. Меня обуревают множество мыслей и чувств.

Собираясь надеть часы, я замечаю на внутренней стороне кожаного ремешка неразборчивую карандашную надпись по-французски: *Жизнь всего лишь иллюзия.*

*

Три женщины, трое мужчин. Средний возраст — тридцать один год.

Джоанна Уотсон, австралийка, врач, ученый-невролог.

Кларисса Смит, американка, физик.

Элизабет Пэтиссон, шотландка, биолог.

Карл Оппенгеймер, немец, инженер по робототехнике.

Питер Джонсон, американец, архитектор.

И я, Марк Жуано, двадцать восемь лет, самый младший, астробиолог.

Шестеро специалистов в разных областях науки, которым предстоит, применив все свои знания и приложив немалые усилия, доказать, что на красной планете возможна жизнь в режиме самообеспечения. Мы обмениваемся дружескими рукопожати-

ями, быстро представляемся друг другу и обсуждаем странный способ, которым мы все сюда прибыли.

Уже всюду высказываются гипотезы относительно местоположения нашей базы. Большинство склоняется к какой-нибудь южноамериканской стране — самая правдоподобная мысль. Разумеется, я ничего не говорю им о странной надписи на ремешке моих часов. *Жизнь всего лишь иллюзия*. С чего вдруг американец, который ищет на НАСА, написал бы мне такое на рассвете первого дня?

Мы проникаем в пузырь, где мне предстоит провести следующий год. Первое, что я вижу, войдя в купол, — это тамбур, где висят шесть наших огромных космических комбинезонов. Миновав это пространство безопасности, посетитель получает две возможности: свернуть вправо, в тоннель, ведущий к Литл-Боксу, или продолжать двигаться прямо, к главному помещению. Именно там по кругу расположены наши рабочие пространства, разделенные невысокими экранами. Тесная вселенная лабораторных колб и пробирок, компьютеров, электроники, книг. И прочего научного инвентаря, который представляет собой мозговой центр наших изысканий.

Моя лаборатория устроена так, как я просил. Беглый осмотр показывает, что все на месте, а главное — мои микроорганизмы. Мелкое оборудование — химический стакан, пипетки — слегка потрескалось, наверняка издержки транспортировки. К счастью, я заказал несколько штук на замену, и они в полном порядке.

Экскурсия продолжается. В другой половине круга, за перегородками, мы обнаруживаем анфиладу помещений: кухня, биотуалеты, ванная комната, в которой только душ и раковина, импровизированный спортзал с домашней беговой дорожкой и велотренажером, что позволит одновременно генерировать электричество, а также помещение, оборудованное еще одним компьютером и носящее название «бюкс сингулярности¹». «Это место, где каждый может связываться со своими родными в относительно интимной обстановке», — объясняет мне на своем исковерканном шотландцами английском Элизабет Пэтиссон. У этой маленькой женщины с веснушчатым лицом огненно-рыжие волосы, они заплетены в длинную косу, спускающуюся ниже пояса. Энергия буквально переполняет ее, и, похоже, она болтушка. «Мы образуем тандем биологов и очень быстро сойдемся». Она изучает экосистемы между растениями, рыбами и бактериями, в которых одни питаются отходами других.

Наш врач, Джоанна Уотсон, такая же яркая брюнетка, как Кларисса Смит — блондинка. Обручального кольца не носит. Карл Оппенгеймер — огромный немец с бицепсами регбиста и очень темной бородой. Похоже, только мы с ним люди семейные.

В верхней части купола, куда можно попасть по деревянной лестнице, располагаются наши спальни или, скорее, каюты. Чердак дверей, которые наводят на мысль о женских туалетах в кемпинге. За каждой

¹ *Сингулярность* — единичность.

дверью — четыре квадратных метра, низкий сводчатый потолок, односпальная кровать, маленький столик, узкий шкаф, на полу кусок серого паласа и тонкие, как папиросная бумага, перегородки. Ничего удивительного, все соответствует описанию, предоставленному американским предприятием. Явно не четыре звезды, но мы и не отдыхать приехали.

Прибыл последним — получи, что завалялось. Мне досталась самая неудобно расположенная спальня — та, что выходит прямо на лестницу. Я снимаю рюкзак, вынимаю из него бортовой журнал, в который намереваюсь ежедневно записывать результаты своих исследований и впечатления, а также пурпурный с зелеными разводами шарф Элен: она часто носит его вокруг шеи, и он пахнет ее духами. Прикрыв глаза, я вдыхаю ее аромат. И едва успеваю сунуть его под подушку, как меня зовут.

Стоящая на крошечном столике позади наших лабораторий приемопередающая станция, напоминающая старый телевизор, довольно посредственно показывает какое-то лицо. Это Майкл Льюис, наш референт — единственная наша связь с внешним миром. Изможденная физиономия в круглых очках. Он, видимо, сидит у себя в кабинете: за его спиной растянут большой флаг с логотипом НАСА.

— Вы все прошли в НАСА строгий отбор благодаря вашим знаниям и адаптационным способностям, которые позволят вам выжить в режиме самообеспечения будущих поселений на Марсе. Наиболее годные из вас, возможно, получат шанс отправиться туда в будущем...

Сгрудившись возле телерадиоприемника, относящегося, пожалуй, к семидесятым годам прошлого века, мы все прямо-таки раздулись от гордости. Я ну просто чувствую, как она прет из наших грудных клеток.

— ...Отныне вы должны считать, что находитесь на Марсе. Ваш декан, Питер Джонсон, — военный, имеющий непосредственное отношение к нашей организации. Поэтому он назначен вашим руководителем и будет обеспечивать как можно более успешное выполнение миссии...

Все смотрят на Джонсона. У него квадратные челюсти, ледяные голубые глаза и харизма капитана корабля. Такому положено носить форму, увешанную медалями.

— Вам придется соблюдать чрезвычайно строгие правила. Вы их знаете наизусть, но основные я вам повторю. Прежде всего, ни при каких обстоятельствах вы не должны выходить из купола без комбинезона, будь то пожар, утечка — любая причина, толкающая вас наружу. Отныне НИКОГДА без комбинезона.

Тон у него властный, лицо замкнутое. Он наверняка видит нас при помощи маленькой камеры, вмонтированной в корпус телевизора.

— Также необходимо строжайшим образом соблюдать протокол возвращения в купол: разблокирование внешних створок шлюза, санитарная обработка, затем разгерметизация перед открытием внутренней двери. Не приносите снаружи никаких живых

организмов. Всякое нарушение этого правила повлечет за собой немедленное отстранение вас от миссии и поставит под угрозу равновесие вашей группы, и вы можете не сомневаться, что НАСА навсегда разрушит вашу карьеру. Миссия «Ахерон II» должна быть успешной.

От этого его заявления меня пробрал озноб. Я смотрю на своих застывших перед экраном коллег. На лбу Опсенгеймера выступили крупные капли пота. Он замечает, что я разглядываю его, и вызывающе дергает подбородком, как бы спрашивая: «Чего тебе?» Я отворачиваюсь и продолжаю смотреть на экран.

— ...Второй важный пункт: вода. В обязанности Клариссы Смит, физика вашей команды, входит работа по извлечению связанных вод из присутствующих в марсианской почве минералов. Ее проект должен быть завершен в конце этого года, так что дел достаточно...

Смит — это икона группы. С ней я бы с удовольствием изучал физику. Походка у нее легкая и спортивная. Ей потрясающе идет бейсболка с надписью: «Eagles of Philadelphia». Похоже, НАСА при подборе кандидатов пользовалось очень четкими физическими критериями.

— ...В любом случае первым колонистам непременно придется экономить воду — самый драгоценный ресурс. Бесхозяйственность на Марсе — это верная смерть. Поскольку выделение воды из земной почвы не является актуальной проблемой, под

основанием купола закопан резервуар на десять тысяч пятьсот литров. Внешняя команда обслуживания, с которой вы не будете иметь никакого контакта, каждые семьдесят дней — ни днем раньше, ни днем позже — будет наполнять его. Вас шестеро, вот и считайте сами...

Я слежу за соседями: они, так же как и я, принимают делать подсчеты. Получается двадцать пять литров в день на человека, тогда как средний француз потребляет приблизительно сто пятьдесят. Дома я тренировался на сорока литрах. Мы обмениваемся быстрыми взглядами. Оппенгеймер по-прежнему выглядит очень напряженным. Пэтиссон Огненная Коса, нервничает. Она нажимает кнопку передачи:

— А что случится, если мы израсходуем всю норму воды до наполнения резервуара?

Пэтиссон замечает свою оплошность в тот момент, когда отпускает кнопку: Льюис получит ее сообщение не раньше, чем через двадцать минут. Для нашей миссии смоделировано все, включая время, за которое волны проходят расстояние от Марса до Земли. В таких условиях нормальные разговоры, когда один отвечает другому, невозможны. Льюис невозмутимо продолжает свою речь:

— А теперь о связях с нашим миром. Как оговорено в документации, каждый из вас имеет учетную запись на компьютере в боксе сингулярности. Поскольку отправка и прием данных потребляет энергию и ограничено пропускной способностью, вы получите право посылать одно электронное письмо

в день и получать одно от лица, указанного при вашем зачислении в проект. Доставка письма адресату, как и его получение, займет двадцать минут. Полученные письма не должны превышать определенного веса. Вы можете получать одну фотографию в день, однако, если она слишком тяжелая, ее качество будет снижено... Отметьте для себя, кстати, что передатчик, используемый в тот самый момент, когда мы с вами общаемся, будет также служить новостным каналом. Каждое утро, с семи до восьми, приятный женский голос в циклическом режиме будет зачитывать вам короткие новости из нашего мира. Политика, здоровье, экономика. Это позволит вам сохранять связь с реальностью.

Мы стоически слушаем его речь. Спустя сорок минут, прямо посреди его монолога, нам приходит ответ на вопрос Пэтиссон. Черные глаза Льюиса холодно нацеливаются в то место, где шотландка находилась двадцать минут назад. С тех пор она немного сместилась влево.

— Нехватки воды не должно случиться никогда, Пэтиссон. Различные измерительные приборы дают возможность контролировать в реальном времени уровень воды, произведенную и потребленную энергию, а также температуру. Вы единовластные хозяева вашего производства и потребления...

Он возвращается к предыдущей теме. Интимные отношения не запрещены. Мы должны один раз в день заполнять и отправлять из бокса сингулярности анкеты о состоянии нашего здоровья, о нашем

настроении, об отношениях с коллегами. Конфликт? Дружба? Напряженность? Все должно быть высказано и проанализировано. Льюис успокаивает нас, утверждая, что никакая камера ничего не записывает, кроме времени, когда активирован приемопередатчик. Кроме того, мы должны постоянно носить на себе датчики, которые будут передавать в НАСА наши биологические показатели — сердечный ритм, давление, продолжительность и качество сна — и наше местоположение. Эти датчики ни в коем случае нельзя снимать, только во время туалета. Я все это знал, но теперь это стало реальностью. Не осталось ничего интимного.

Мы объекты изучения, мы принадлежим аэрокосмическому предприятию — душой и телом.

Майкл Льюис объявляет миссию официально начавшейся. Сегодня 10 июля 2016 года, четыре часа дня. Едва он прервал передачу, я направляюсь к боксу сингулярности. Запершись в крошечной комнатке, я вхожу в свой аккаунт и пишу единственное ежедневное сообщение, на которое имею право.

Спустя час, получив в ответ сообщение Элен, я появляюсь в дверях лаборатории. В глазах у меня слезы. Мои новые коллеги на своих местах или занимаются описью оборудования.

— Я стал отцом!

Все лица поворачиваются ко мне, все действия прекращаются.

— Его зовут Натан, он весит три четыреста, рост пятьдесят пять сантиметров. Родился всего несколько часов назад.

СОДЕРЖАНИЕ

Где-то за горизонтом. <i>Перевод М. Брусовани</i>	5
Враги. <i>Перевод М. Таймановой</i>	99
Сцилла и Харибда. <i>Перевод Р. Генкиной</i>	135
Габриэль. <i>Перевод Р. Генкиной</i>	173
Сопор. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	193
Двойное «я». <i>В поисках тела. Перевод М. Таймановой</i>	205
Уроборос. <i>Перевод М. Брусовани</i>	251
Астени. <i>Перевод М. Таймановой</i>	295
Перепутье. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	319
Последний поворот. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	335
Истоки. <i>Перевод Р. Генкиной</i>	349
Последний круиз. <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	379